

Дискуссия в Институте археологии и этнографии НАН РА по поводу статьи М. Соколова и К. Титаева

В беседе принимали участие:

Левон Абрамян (заведующий отделом этнологии современности
ИАЭ НАН РА)

Смбат Акопян (аспирант отдела этнологии современности
ИАЭ НАН РА)

Юлия Антонян (ассистент кафедры культурологии в ЕГУ)

Лусинэ Гуцян (научный сотрудник РЭМ)

Гамлет Мелкумян (научный сотрудник отдела этнологии
современности ИАЭ НАН РА)

Сатеник Мкртчян (научный сотрудник отдела этносоциологии
ИАЭ НАН РА)

Алина Погосян (научный сотрудник отдела этнографии
ИАЭ НАН РА)

Гаяне Шагоян (старший научный сотрудник отдела этнологии
современности ИАЭ НАН РА)

1

Юлия Антонян

Условное деление на «туземную» и «провинциальную» науку описывает специфические состояния научного дискурса и научной коммуникации, в которых может пребывать научное сообщество, не являющееся частью некоего абстрактного «центра», который в статье конкретно не обозначен. Однако мне думается, что на самом деле состояние «центральности» и «столичности» не является отдельным, третьим состоянием, а речь, по сути, идет только о двух основных системах организации научной коммуникации. Первая, обозначенная как «туземная», описывает самодостаточную, самоорганизующуюся и замкнутую на себе инфраструктурную сеть и заключенное в ней академическое сообщество. Она может занимать как центральное, так и маргинальное место в между-

народной иерархии научных систем в зависимости от множества факторов, в том числе и политических. Вторая, «провинциальная», система в силу ограниченности ресурсов (финансовых, человеческих, политических, информационных) не самодостаточна и почти всегда вынуждена присасываться к какой-нибудь «туземной» системе, чтобы выжить (обычно это делается по языковому, цивилизационному, колониальному и другим принципам).

Своеобразную иллюстрацию этой схеме представляют многочисленные международные конгрессы, цель которых, казалось бы, в создании площадки для такой «межсистемной» коммуникации. К примеру, один из недавних, на котором я побывала (конгресс по социологии религии), делился на множество секций, ряд из которых был составлен явно по «туземному» принципу. Основным различительным признаком была геополитическая ареальность и языковой фактор. На одну такую секцию я попала, привлеченная интересной для меня тематикой выступлений. И обнаружила, что так как подавляющее большинство присутствующих было из португалоязычных стран, «центром» для которых была Бразилия, то языком секции механически стал португальский, и на меня все смотрели с нескрываемым удивлением и переходить ради меня на один из рабочих языков (английский, которым они владели довольно плохо, или французский) никто не собирался. Рядом проходила «азиатская» секция, где присутствовали в основном представители Китая и Юго-Восточной Азии и практически не было европейцев. Представители большинства стран Восточной Европы и постсоветского пространства (которых вообще было очень мало) посещали в основном «центральные» для них секции, организаторами которых были американские либо западноевропейские ученые и которые зачастую перерастали в элитарный показ мировых научных авторитетов.

Таким образом, на этом конгрессе четко вырисовались несколько «туземных» ареалов, каждый из которых делает свою науку, имеет своих «провинциальных» «спутников» и мало заинтересован в других ареалах. В свое время таким «туземным» ареалом была советская наука, где «центром», в том числе и идеологическим, была Москва, а его провинциальными спутниками — национальные академии наук.

Левон Абрамян

Я бы хотел сделать замечание насчет терминологии, которую, думаю, М. Соколов и К. Титаев сознательно выбрали из имперского словаря. Будучи российскими исследователями в области социологии, в рамках которой они и фокусируют свои диффе-

ренциации, авторы могут назвать кого-то туземным, а кого-то провинциальным. Так, туземным центром назван факультет социологии МГУ. Такое самокритическое использование этих терминов для них вполне обосновано. Но будучи распространенными на бывшие советские республики, в частности Армению, эти термины произвольно приобретают изначальное колониальное значение. У Даля нет ничего плохого в слове «туземный», «туземство» понимается даже как «гражданство», но он приводит, например, такую цитату: «Туземные жители части Океании стоят на низшей степени человечества», где можно уже почувствовать колониальные нотки в оценке «туземного». В словаре Ожегова «туземный» уже по определению относится к области малоцивилизованного, это слово определяется как «местный, коренной, свойственный данной местности, стране (обычно малоразвитой)». По своему недавнему положению туземцы и провинциалы оказываются в этом смысле не на равных позициях с авторами, для которых возможная «имперская» самокритика имеет лишь метафорическое звучание. В целом я разделяю подход авторов статьи, даже если получается, что ты действительно малоцивилизованный туземец, если понимать современную науку как «цивилизацию».

Смбат Акопян

Данные определения, на мой взгляд, хорошо подходят именно к постсоветской науке, и те проблемы, которые авторы обсуждают в статье, знакомы, наверное, каждому ученому-гуманитарию из стран, прежде входивших в СССР. Проблема, возможно, началась тогда, когда советская идеология не позволяла своей науке дискутировать с западной наукой, в результате чего она стала глубоко «туземной». А после развала Советского Союза перед учеными встала задача поиска новых «центров» научной мысли, которыми по большому счету стали западные научные очаги. Однако остались ученые, которые не стали искать ничего нового, а просто продолжали по инерции делать то же, что и прежде, ориентируясь на уже не существующий «центр».

Мне кажется, деление науки на «туземную» и «провинциальную» представляет собой иерархическое и статичное видение проблемы. Мы определяем какую-то науку как туземную или провинциальную лишь на основе сравнений научных систем, но эти определения относительны, одна и та же система может быть туземной в контексте одних дисциплин и провинциальной в контексте других. На мой взгляд, линейные определения, скорее всего, неоправданно упрощают ситуацию. Например, «туземный», по сути националистический, дискурс сегодняшней этнографии берет свои истоки в советской науке,

в которой многое строилось на концепте «этничности». В разных социальных феноменах искали что-то «армянское», что, в принципе, сохранилось до сегодняшнего дня в качестве неотрафлексированной научной традиции. В свою очередь эта тенденция родилась еще в досоветский период, в конце XIX — начале XX в. многие армянские историки, лингвисты, этнографы, археологи, получившие образование в западных университетах, закладывали фундамент армянской социальной науки в контексте идеи создания национального государства, доминировавшей тогда в европейском научном сообществе. И в этом смысле основную парадигму армянской этнографии, туземной в советский период, в досоветское время можно было бы обозначить как провинциальную по отношению к европейской.

Алина Погосян

У меня создалось впечатление, что в западных университетах если кто-то берет тему, скажем, по социологии религии, но хочет изучать ее на примере, скажем, Армении, то ему предлагают заниматься ею в рамках отделения региональных исследований, а не социологии. Это и отличает «центр» от «не центра». Региональные исследования менее конкурентоспособны, чем факультеты социологии или антропологии, имеют меньше студентов, меньше финансирования и т.д. Явления «туземности» и «провинциальности» существуют, однако я не уверена, что все варианты отношений с «центром» можно вмести́ть в эти две категории. Я вижу, что мы тут проявляем больше симпатии по отношению к «туземной» науке, однако в этом есть опасность, так как туземная наука склонна к дискретности и узости. Согласно этой логике, и Иджеванский филиал Ереванского университета может делать «туземную» науку, однако должен быть некий универсализм методов и научного языка.

Что касается «центра», то возникает вопрос, где же его размещать? В западных университетах, научных центрах, а может быть, в политических или бизнес-кругах? Я нахожу, что наука должна иметь региональный характер. В идеале, если какая-то проблема имеет схожие особенности и тенденции в ряде обществ, то эти общества должны объединять свой научный потенциал для обсуждения этих проблем научным языком, а не стремиться осваивать западную науку.

Лусинэ Гушян

Важным представляется вопрос изменения векторов и направленности в отношении провинция — центр. Согласно предложенным терминам, советская наука относительно остального

мира была туземной, в то же время все не московские, не ленинградские научные институты страны оказывались в положении провинциальных. В настоящее время московские и петербургские центры сами стали провинциальными, потеряв статус центральных, а, в частности, армянская наука получила возможность быть провинцией с многовекторным центром (или многими центрами). К примеру, она имеет возможность опосредованно быть связанной с так называемым «западным центром» через Москву и Санкт-Петербург, или быть связанной с этим центром непосредственно, или использовать обе эти возможности.

Кроме того, любой центр не лишен идеологического подтекста. Расстояния между центром и провинцией, вне сомнения, регулируются центром. Сближение предполагает обучение языку, снабжение литературой, облегчение личностно-научных контактов (конференции, сборники), финансирование обсуждений тех или других тем в науке (заказ тем). В связи с последним было бы интересно проанализировать грантоемкие темы и организации-институты (включая государство), выдающие гранты. Кроме того, остаются в стороне вопросы репрессий центра относительно провинции: финансовые, формальные, информационные, политические, а также причины возможных репрессий.

Гамлет Мелкумян

Обсуждение туземной и провинциальной науки остается актуальным еще и потому, что сами эти определения могут быть как очень заземленными и объективизированными, так и относительными и абстрактными. Многое зависит от того, насколько объективно мы принимаем тот факт, что есть какие-то «столичные центры», и какова мотивация поиска тех или иных центров. Настает момент, когда эта «столичность» исчезает и возникает, так сказать, надстоличный уровень, где действующие лица — индивиды, авторы. И если даже в своих текстах мы хотим избежать ссылок на корифеев науки, то, по моему убеждению, это нереально и невозможно, потому что эти авторы — сами истоки идей. А идеи (т.е. авторы) «кочуют» в гиперпространстве теорий, где исчезает их изначальная локализация, и далее они «локализуются» теми, кто их «поймает». Примером такого дислокализованного гиперпространства может служить Интернет¹. И вопрос «столичности» в этом случае может и исчезнуть.

Однако нужно учитывать и то, что кроме идейной самоорганизации у науки есть еще академический менеджмент [Armstrong

¹ Ср., например: [Научное знание в условиях Интернета 2011].

1998] (включающий и финансовые аспекты), который организует взаимоотношения центра и периферии или влияет на нее согласно собственным интересам.

Сатеник Мкртчян

Предложенные К. Титаевым и М. Соколовым типы надо рассматривать как «идеальные типы». В одной и той же стране или в одной и той же области науки, даже в одном научном учреждении можно выделить представителей как туземного, так и провинциального подхода, и даже центрального, «столичного». В статье читатель так и не может понять, что представляет собой так называемый «центр». И хотя мы, конечно, можем предположить, что у авторов есть определенный его образ, но для общей картины мне не хватает понимания, что же за центр имели в виду К. Титаев и М. Соколов, по отношению к которому другие науки туземны или провинциальны.

Если эту же модель применить к науке в Армении, то получится, что наука здесь может быть и туземной, и провинциальной, но при этом центров у нее может быть несколько и они могут находиться, как об этом говорила уже Лусинэ, в очень разных местах (Россия, англоязычные или франкоязычные западные центры и т.д.), более того, для отдельно взятого научного сотрудника может быть свой центр. При этом не исключается, что в контексте некоторых дисциплин, в особенности арменоведческих в узком понимании этого термина (история, филология), наука в Армении может стать «столичной» и иметь статус центра для ученых из других стран. В идеале Армения также может быть центром и в более общем контексте гуманитарных и социальных наук, если речь идет о региональных исследованиях, для которых полем или кейсом является Армения или конкретные локальные проблемы.

Недавно состоявшиеся в армянском академическом сообществе дебаты по поводу принятия так называемого импакт-фактора как индикатора научности также можно проанализировать с применением модели М. Соколова и К. Титаева. Так, одна сторона придерживалась провинциального подхода, считая, что публикации в журналах с индексом цитирования — это эталон, который необходимо принять в качестве условия для претендующих на ученую степень. Другая сторона предлагала «умеренно провинциальный» подход, подразумевающий разработку разных индикаторов для социальных, гуманитарных, точных и естественных наук и конкретно не ставящий публикации в журналах с импакт-фактором в качестве неперемennого условия получения ученой степени для представителей гуманитарной и социальной сфер. Эта позиция предполагает для

Армении возможность одновременно быть центральной и находиться в тесной связи с другими центрами. Что показательно: «туземная» сторона в этих дебатах не участвовала вообще, предположительно потому, что, во-первых, будучи «туземной», не нуждается в интеграции в международную науку, а во-вторых, из опасения быть обвиненной в том, что она делает «некачественную» науку.

Еще хочу высказаться относительно упомянутой М. Соколовым и К. Титаевым системы «туземного» цитирования. Множественное цитирование самих себя — это, на мой взгляд, признак не туземности, а антинаучности. Но примеры К. Титаева и М. Соколова я интерпретирую в том ключе, что они хотели на доступном им материале показать разницу туземных и провинциальных принципов научного поведения и то, что, придерживаясь туземной логики, можно получить науку, в которой возможно множественное цитирование самих себя.

Левон Абрамян

Цитирование самих себя у М. Соколова и К. Титаева классифицируется как высокая степень туземности, причем с отрицательной коннотацией. В контексте их примеров это действительно выглядит так. Вместе с тем все зависит от того, почему происходит самоцитация. Часто именно так создаются школы, когда самоцитация обязательна и самодостаточна. «Столичность» — это фактически «супертуземность», которая по определению не может быть провинциальной. Здесь мы подходим к разгоревшемуся в последнее время в Армении спору между естественниками и гуманитариями, о котором упоминала Сатеник. Естественники хотят прорваться в «столицы» — журналы с индексом цитируемости. Кстати, М. Соколов и К. Титаев вообще не обсуждают фактологическую цитируемость, к которой большей частью апеллируют наши естественники-экспериментаторы в провинциальном рвении войти в глобалистический научный мир, не отдавая себе отчета в том, что они часто цитируются как фактологический материал, сырье. Собственно в столичном научном или, вернее, теоретическом дискурсе они участвуют гораздо меньше.

Гаяне Шагоян

Получается, что они даже не провинция, а колония, которую используют.

Левон Абрамян

Именно так. В гуманитарных науках ты должен сказать что-то ценное в теоретическом плане, чтобы быть цитируемым, если

только ты не представляешь сугубо региональную экзотику, как верно заметила Алина, чтобы подпитывать «столичный» интерес к колониям.

Алина Погосян

Мне кажется, мы идеализируем возможности туземной науки, которая, как правило, постоянно заново изобретает велосипед. И когда на изобретенном велосипеде «туземцы» наконец доезжают до «центра», то обнаруживают, что там люди ездят уже на машинах. Туземная наука привлекательна для меня в той мере, в какой она способна, используя универсальный научный язык, обсуждать региональные проблемы, то, чего в силу «провинциальности» мы зачастую не делаем, выбирая темы исследований в подражание «центру». Вопросы же, актуальные для нашего общества, остаются открытыми.

Гаяне Шагоян

Пока мы действительно мало обращали внимание на очевидную и общую характеристику «туземности» и «провинциализма», которая в статье прочитывается как их «второсортность», зависимость от некоего мейнстрима, «столичности», которая в статье, как все отметили, не раскрывается. И на этом стоит остановиться подробнее. Любая провинция становится таковой только там и тогда, когда появляется центр, которому она себя противопоставляет, тогда как «центр» и туземность могут никак не пересекаться и не соотноситься. В туземности есть качества центра в том смысле, что она ни на кого не ориентируется, но в ней есть и изолированность, которой противопоставлена идея любого центра. Туземных наук много, но из них лишь немногие имеют потенциал превращения в центр, который предполагает возможность некоего принуждения, «навязывания» своей дискуссии провинции. В этом смысле «центры» так же зависят от провинции, как провинции от центра. Если нет спутников, то центр имеет опасность превратиться в «туземность».

Думаю, что статья по своему дискурсу глубоко постсоветская, здесь я должна согласиться с Смбатом Акопяном. Проблема «изоляции» — это проблема прежде всего постсоветских стран, которые после распада СССР, потеряв «центр», выстроенную иерархию мира, постоянно находятся в ее поиске. По-моему, не случайно авторы пытаются описать сложившуюся ситуацию именно в терминах «туземности» и «провинциальности». Может быть, в Мичиганском или Чикагском университетах проблемы, о которых говорится в статье, тоже присутствуют, но они скорее будут описаны в других понятиях — конкурентности, финансо-

вых возможностей, идеологических предпочтений или каких-то иных. Именно советское наследие является основной проблемой, диктующей такое видение сегодняшней науки, в том числе советское понимание того, как должна быть выстроена наука вообще. И в этом смысле авторы статьи выбором своих метафор выдают в себе «советских» исследователей.

Но даже в рамках той же советской науки существовало множество нюансов туземности и провинциализма. В советской науке любая немосковская наука, как уже отмечалось, автоматически становилась провинциальной, «туземное» же, как я понимаю, для авторов нечто, что хуже провинциального. Должна не согласиться с коллегами, которые в нем видят черты столичности. Это не столица, это еще одно противопоставление столичности, понятие (здесь Сатеник совершенно права), которое в статье не раскрывается, видимо, исходя из предположения, что по умолчанию всем и так все ясно. У меня тоже было свое представление о «столичной» науке, которое до этой беседы мне казалось единственным и очевидным, но теперь я понимаю, что «столичность» даже сложнее определить и она будет так же относительно, как «туземность» и «провинциализм».

Для меня признаки «столичной науки» аналогичны признакам любой столицы по сравнению с «не столицей». Я бы их определила как открытую площадку для функционирования разных научных школ, где они сталкиваются, пересекаются. Там нет иерархических отношений и возможны разные подходы к одному и тем же ситуациям. Одним словом, главная черта — разнообразие. При этом надо признать, что такое определение «столичной» науки вряд ли подойдет к какому-либо из известных научных очагов, даже очень авторитетных, в том числе американских или европейских. В каждом из них есть некая степень своей изолированности, скажем, в рамках университетов, кафедр, групп и т.п. «Столичные» площадки в таком смысле, скорее всего, виртуальны. Это журналы, конференции, куда доступ для нас, «нестоличных», кстати, тоже открыт. Поэтому этот мир изолированности во многом мы строим сами для себя, так же как «столичность» на деле определяем по авторитетности институций. А вот на чем построен этот «авторитет» — вопрос тоже частный и глубоко субъективный. В области гуманитарных и социальных наук даже индексируемые журналы далеко не всегда могут стать показателями для определения границ научной «столичности».

Проблема «советскости» для меня — ключ к пониманию предложенной авторами перспективы. Провинциальная советская наука обладала теми привилегиями, которые присущи, например, «вторым городам». Это когда контроль центральной

власти на периферии значительно ниже, чем в центре, и потому система подавления здесь мягче (конечно, это не универсально, иногда местные «пастыри» советской системы могли оказаться большими католиками, чем Папа Римский). Преимущество периферии в том, что сказанное провинциалом слово не столь авторитетно, а значит не столь опасно. Следовательно, то, что проговаривает провинция, не столь важно. Предполагается, что она больше слушает.

Именно поэтому в провинции можно было развивать какие-то диссидентские направления. Именно поэтому национальные (не только по форме, но и по содержанию) науки на местах, в республиках, возникали не столько как дань советскому, а, наоборот, могли развернуть локальный националистический дискурс, противопоставленный центральному. Именно на базе этого дискурса «провинциальная» наука на какой-то стадии превращалась в «туземную», в данном случае в смысле «аборигенной», нацеленной на себя. Она из «очага слушающих» превратилась в «очаг проговаривающих» нечто, важное для самих себя.

После распада Советского Союза мы все оказались в ситуации, когда нам не от кого защищаться, нет центра, которому не надо не только следовать, но и противопоставляться. Между тем наша изолированность, имеющая советские корни, не позволяет вписаться в международную науку, хотя формально у Армении есть все возможности.

2**Юлия Антонян**

Вопрос «туземности» и «провинциальности» — это прежде всего вопрос ресурсов. «Туземная наука» может быть самодостаточной и ссылаться на саму себя, если у нее есть на это средства, которые могут обеспечить институциональность науки, а также ее иерархичную структуру, при которой разные ступени иерархии имеют разный доступ к ресурсам. Почему ученые тяготеют к «провинциализму»? Они ищут ресурсы (материальные, информационные, институциональные и другие), доступ к которым им ограничен в своей «туземной» системе. Они готовы стать провинциальными по отношению к любому центру, который способен предоставить эти ресурсы в обмен на определенную функцию в процессе производства научного знания, иногда даже очень незначительную (например, предоставление материала или обеспечение региональной репрезентативности). Именно по этой причине в Армении островки «туземной науки», возникшие в советское время, сейчас сокращаются, растет «провинциальный» сектор, причем провинциальность проявляется в отношении к самым разным «центрам». Некоторые из них

занимают далеко не самое важное место в мировой иерархии «туземных» наук, как, например, бывшие советские научные институты или провинциальные сами по себе европейские университеты, а некоторые, напротив, представляют собой переловые западные (европейские или американские) центры. Выражается этот «провинциализм» по-разному, но чаще через несимметричное сотрудничество, где роль теоретика играют партнеры из «центра», а исполнителя — местные ученые. Есть еще разные формы мимикрии под западную модель научного знания, когда в литературном и теоретическом обзоре — нагромождение западных имен и теорий, а в самом тексте статьи / книги — полное отсутствие какой-либо согласованности с ними методов анализа и научных подходов и откат в конструкции, характерные для былой советской «туземности».

Гаяне Шагоян

Да, сейчас можно найти и кандидатские диссертации, и даже докторские, где богатый обзор литературы имеет слабое отношение к самому исследованию, ни в каком положении работы она не отражается и по существу не обсуждается.

Алина Погосян

Хочу ввести некоторые уточнения в понятия. Когда мы говорим о туземной науке, то имеем в виду просто «не науку». Сейчас финансируемая государством наука, т.е. институциональная наука, скорее «не наука», чем «туземная наука».

Что касается цитируемой литературы, то она может быть хоть и богатой, но часто принадлежащей к одному кругу авторов, которые обычно цитируют друг друга — об этом мы уже говорили, но несколько в другом аспекте. Из-за многочисленности членов конкретной группы трудно выявить других авторов, занимающихся той же проблемой, но не входящих в данный «круг», а потому либо не цитируемых вовсе, либо цитируемых значительно реже. В условиях активного производства научной мысли сегодня мы вынуждены тщательно отбирать материал и в этом отборе руководствоваться каким-то инструментарием, который не позволяет находить материал из мест, далеких от «центров».

В Индии я обнаружила, что в книжных магазинах есть очень много хорошей литературы, но на многих из книг есть указание о том, что продажа запрещена за пределами Индии, Шри Ланки и Мальдив. Фактически они берут важную для себя литературу из «центров» и представляют ее с точки зрения своих профессо-

ров. Можно быть сопричастным только к доступным «центрам», а это для нас англо-саксонская либо российская наука.

Левон Абрамян

Пока мы не слишком углубились во второй вопрос, я хотел бы вернуться к первому. С легкой руки Юлии мы приняли, что советская наука была туземной. Да, она действительно была туземной по отношению к международной науке того времени, и мы (армянские ученые), в силу своей имперской провинциальности, автоматически становимся провинциальными по отношению к советской туземной науке. Мне недавно довелось писать послесловие к сборнику статей по антропологии советского периода на Кавказе и в Центральной (Средней) Азии [Soviet Era Anthropology 2011], поэтому могу сравнить обсуждаемые категории провинциальности и туземности относительно этих двух ареалов. В Грузии и Армении уже имелась своя туземная, до-советская, антропология (этнография), которая с усилением новой имперской зависимости была обречена стать провинциальной. В то время как в Центральной Азии и Азербайджане была заложена новая антропология — изначально колониально-провинциальная. С некоторым преувеличением можно сказать, что Грузия и Армения, даже став провинциальными, получили возможность использовать свою туземность и развивать ее. Гаяне тоже в некотором роде говорила об этом. Это, думаю, одна из возможностей вырваться из провинциализма, но еще и опасность закоснеть в своей туземности.

Гаяне Шагоян

Говоря об институциях и институциональной науке, институциональных знаниях, мы упускаем из виду интеллектуальную науку и знания, которые, как хорошо показал И. Валлерстайн, далеко не всегда совпадают с институциональными. Более того, они подчас даже противопоставлены. Есть прекрасные примеры М. Бахтина, Ф. Броделя, других классиков, лишенных всякой институциональной поддержки. Они становятся ведущими учеными благодаря «суперидеям». Тогда как институциональная «поддержка» напоминает правила потребительского общества, когда важен не столько сам продукт, сколько бренд, в случае науки — аффилиация. Заведующего кафедрой часто цитируют не ради уникальности его идей, а поскольку от него зависит продвижение собственной карьеры. Для меня трудно увидеть механизмы в институциональной науке, которые бы поощряли и мотивировали интеллектуальное знание.

Сегодня складываются новые правила, и понятие «институция» становится более относительным. Хороший пример

ARMACAD¹, который как виртуальная «институция» анти-провинциален в том смысле, что создает площадку без границ, ориентируясь не на один, а на множество научных центров, включая множество дисциплин. Вместе с тем эта площадка «туземна» в том смысле, что работает в первую очередь «на своих».

Есть несколько подобных сетей, например, ARMSCOOP, имеющий 10 000 подписчиков, которые собираются тоже по принципу «армянства». Т.е. идет «туземизация» в виртуальном формате. Технологическая интегрированность таких «институций» в международные сети иногда провоцирует «провинциальные» инициативы. Таковой, по-моему, является упомянутая законодательная инициатива, требующая в качестве обязательного условия для защиты диссертаций публикацию в международных журналах, зарегистрированных в Reuters, Web of Knowledge или Scopus^е. Признание того, что собственные институции не способны определить компетентность претендующего на научную степень кандидата, суперпровинциально. Вместо интеграции локальных институтов в международные центры путем реформирования системы высшего образования и модернизации местных журналов целью ставится попытка обеспечить «представительство» локальной науки на международной площадке через самое уязвимое звено — диссертантов. По такому же пути пошли Россия и Украина, которые тем самым решают не проблему модернизации науки в целом и ее интеграции в международную «столичную» науку, а работают больше в направлении ее «провинциализации», усугубляя институциональную зависимость от «центров» (например, индексируемых журналов). Причем в самих странах, где находятся редколлегии этих журналов, для своих аспирантов такой задачи не ставится.

Несколько слов об институциональных особенностях Армении, которые связаны, во-первых, с ее маленьким масштабом, во-вторых, с диаспорой. Начну с последней. Как мы связываемся с разными «центрами» наук, не имея даже сухопутных путей для такой коммуникации или приличных финансовых ресурсов? Во многом через диаспору, причем диаспору старой волны, которая уже «взрослела» научные кадры, занимающие немалые посты в авторитетных университетах. Люди даже с очень известными именами иногда подвержены привязанности к «символической родине» и в определенной степени гото-

¹ ARMACAD (Armenian Association for Academic Partnership and Support) — неправительственная организация (с 2007 г.) с миссией поддержки академического сетевого сотрудничества, распространения научной информации и осуществления академических проектов (около 17 000 фейсбук-подписчиков и более 8000 подписчиков электронной рассылки). Организация не только распространяет информацию о научных событиях (образовательные программы, исследовательские проекты, конференции, семинары, новые книги, электронные ресурсы), но и сама их организует, пытается лоббировать финансирование науки, влиять на модернизацию ее управления и т.п.

вы дать ей то, что в другой стране обычно продают за деньги. Тем самым они поддерживают некоторые принципы «туземной науки» («только для своих»). Многие из них регулярно приезжают в Армению, часто за свой счет, читают лекции в разных центрах. Большинство из них — почетные члены Армянской академии наук (правда, это наиболее формальное их участие в местной научной жизни). Некоторые из них пристально следят за состоянием армянской науки и пытаются на нее влиять в меру своих возможностей.

В нашем случае «туземность» становится соразмерной с «этничностью». Но проблема в том, что мы к этим диаспоральным центрам относимся как «провинция». Мы их больше слушаем, чем разговариваем с ними, чем создаем для них открытую площадку, где, например, Г. Дерлугьян мог бы дискутировать с Р. Сюни или Х. Тололяном, М. Ншанян с Г. Бардакчяном, а С. Астурян с А. Санджяном и другими. И даже Л. Абрамян и Р. Паносян свои книги за единым столом обсуждают скорее в UCLA, чем в Ереванском университете. Эти «знаменитости» в Армении не пересекаются, хотя теоретически это вполне возможно. Этого не происходит потому, что мы относимся к ним как «провинция», а они к нам как к некой «туземной науке» (в смысле не столько «своей», сколько в значении «изолированной»), которая живет по своим «диким» законам. И тем она для некоторых и замечательна, поскольку превращается в хорошее поле, где им нет необходимости изучать «туземный» язык или освоить культурный контекст.

Юлия Антонян

Да, но дискуссии не происходят еще и потому, что у Армении нет ресурсов (или централизованного желания их выделить) для создания и поддержания этих дискуссионных площадок. Либо на их создание деньги опять должен дать какой-нибудь «центр», и тогда Армения превращается лишь в географическое «место встречи», куда даже не допускаются не приглашенные или «не проплаченные» представители местного академического сообщества, как это было в случае с несколькими международными конференциями.

Алина Погосян

Институционализация науки — это вопрос прежде всего финансирования. Финансирование, которое мы получаем за разные исследования, как правило, дает возможность тематической свободы. Проблема возникает тогда, когда дело доходит до тренингов или литературы, которую тебе предлагают или ты сам выбираешь. Так или иначе, твой выбор ограничен жесткими рамками опреде-

ленной литературы. «Туземной» в строгом смысле этого слова литературы у нас нет. Соответственно усваиваешь те положения и язык, которые диктует финансирующая сторона. Например, я долгое время была уверена, что миграция способствует развитию нашей страны. От меня потребовалось много усилий, чтобы критически отнестись к этому положению и выйти за рамки положений прочитанной мною литературы.

Очень важно при «научном производстве» не забывать о его самом главном принципе — критичности. Во-первых, надо иметь «собственное производство», затем критически его пересматривать. Только тогда, когда у нас будет что предложить и способность критиковать собственное и чужое «производство», у нас появится возможность вступить в диалог. Сегодня нам в одностороннем порядке говорится, что мы, в лучшем случае, что-то понимаем, но чаще просто принимаем, поскольку нет альтернатив или мы их не видим.

Сатеник Мкртчян

Я бы хотела вернуться к положению М. Соколова и К. Титаева о том, что если за науку платит государство, то есть риск, что наука превратится в «туземную», если она содержится за счет международных грантов — то в «провинциальную». На деле ресурсов так мало, что более или менее регулярное финансирование получается только за счет государства, т.е. у «туземной» науки, где нет критичной научной площадки, каждая группа замыкается в себе, а их малочисленность начинает сказываться на качестве, поскольку все друг друга знают лично и критика положений воспринимается как критика авторов, логика научной полемики нарушается, наука скатывается к «туземности». Иначе, хочу сказать, что для малых стран тяготение к «туземности» имеет объективные причины.

Гамлет Мелкумян

Когда я слушал комментарии Гаяне, я подумал, что мы принимаем факт, что есть какие-то «столичные центры», и называем их «столичными» как нечто объективно существующее. Но часто «столичность» исчезает и возникает некий «надстоличный» уровень, где действуют отдельные авторы. Практически невозможно не цитировать этих «корифеев» науки, вне зависимости от их институциональной «крыши». Эти авторы и их идеи все время кочуют в «гиперпространстве», их «локализация» зависит от тех, кто сумел их «уловить». Я бы хотел акцентировать тот момент, что любую «индивидуализацию» в науке сегодня можно делать здесь и сейчас, а удачливые авторы вполне могут стать основой для создания «центров» в любой точке мира.

Левон Абрамян

К реплике Гамлета, что есть люди, которых не можешь не учитывать, хочу добавить, что это и есть признак многополюсности или столичности современного научного мира. Именно поэтому, видимо, авторы статьи так и не говорят, что такое столица и где ее искать. Включая в свое научное обсуждение признанных авторитетов, причем многих и разных, ты тем самым уже становишься непровинциальным, вернее, стремишься преодолеть свою провинциальность.

Я хотел бы дополнить по поводу финансирования, это важнейший вопрос. Государство финансирует только ту науку, которая, как оно считает, служит его национальным интересам. Это часто приводит к тому, что финансируются не научные проекты, а те, которые, наоборот, тяготеют к антинаучности или квазинаучности, о чем уже говорила Алина. Провинциальная же наука финансируется главным образом иностранными грантами. По принятому в России закону ученые, пользующиеся такими грантами, могут попасть в категорию «иностранцев агентов», если они как-то влияют на общественное мнение, а представители общественных наук так или иначе всегда могут считаться таковыми. Т.е. один вид финансирования ведет к национализму, другой — к иностранной «агентуре», хотя бы формально. Вроде бы других путей институционализации не остается.

Хочу пару слов сказать по поводу языка как важного инструмента любой институционализации. Я думаю, что надо поставить памятник создателю армянского алфавита Месропу Маштоцу в каждом гуманитарном институте в Армении и регулярно подносить цветы — как создателю такого письменного языка, который далеко не все в мире могут читать и поэтому не могут узнать, какой националистический и антинаучный бред печатается на армянском языке. Это грустная сторона медали, которую я хотел бы все же отметить, поскольку она напрямую связана с индексом цитирования. С одной стороны, мы не можем не развивать исследований на армянском языке, потому что только так можем стать «туземной» наукой в лучшем смысле этого слова — арменоведение во многом буквально построено на этом принципе. С другой стороны, попадаем в туземную науку в худшем смысле этого слова. Как выбраться из такого положения — это уже пятый вопрос «Форума».

Гаяне Шагоян

Предлагаю перейти к третьему вопросу, но вместо ситуации в России обсудить положение дел в Армении.

3

Юлия Антонян

Не знаю, что такое «мировой уровень», в мире много разных уровней. Но по степени интегрированности в западный научный дискурс можно выстроить иерархию дисциплин, на одном полюсе которой находятся науки, наиболее пригодные для обслуживания и конструирования идеологии (история, например, или то, что у нас называется «арменоведением», т.е. группа этноориентированных гуманитарных дисциплин, в основном история, этнография, фольклористика), на другом — науки, наиболее способные к ее деконструкции (социология, антропология). Посередине находится археология, которая с технической и методологической точки зрения стремится к Западу, а с точки зрения превращения археологического материала в предмет исторического и этнографического анализа во многих случаях все еще тяготеет к прежним советским и постсоветским идеологическим моделям.

Левон Абрамян

Я хочу вернуться к специфике армянской туземной науки, тем более что это связано с «мировым уровнем». Гаяне уже сказала о диаспоре, что этот фактор у нас считается одним из главных преимуществ, но не нужно преувеличивать его значения. В американских университетах есть несколько арменоведческих кафедр. Кто же должен возглавлять арменоведение (Armenian studies) за рубежом и вообще что это за область науки? Относительно туземных работ я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в США подавляющее большинство специалистов в области Afro-American studies — афроамериканцы, а в области Jewish studies — евреи.

Юлия Антонян

В области Armenian studies — армяне или люди с «армянскими корнями».

Левон Абрамян

Этот вопрос довольно активно обсуждается. И вообще: что сегодня понимается под арменоведением в научном зарубежье? Можно сказать, что главным образом — история. Я впервые осознал это, когда культурный антрополог неармянского происхождения, получившая должность заведующей кафедрой арменоведения в Мичиганском университете, вынуждена была вскоре отказаться от нее. В кулуарах зарубежного арменоведческого сообщества активно обсуждался вопрос, может ли антро-

полог, к тому же не армянка, быть главой арменоведческого центра. То, что не армянка, естественно, открыто не обсуждалось, потому что это не было бы политкорректно. Но то, что антрополог не может быть во главе арменоведческого центра, обсуждалось активно. Главным аргументом против было утверждение, что антрополог не будет заинтересован проблемами истории, которые и нужно развивать на кафедрах арменологии. Имелось еще одно опасение, что американский антрополог не будет поднимать проблемы геноцида.

Когда другой центр возглавил литературовед (вопрос не в том, хороший он или плохой, я считаю, что очень хороший), против него опять была большая кампания. Главный аргумент был тот же: такой пост должен занимать историк. Судьба дала нам выходы в зарубежный мир в виде очень большой и богатой диаспоры, но вместе с тем эти каналы необычайно сужаются в зависимости от того, что именно воспринимается под «армянскостью».

Почему диаспоральная наука так сильно зависит от обсуждений вокруг геноцида? Это важно для всех армян, во-первых, потому что геноцид не признан. Вместе с тем проблема геноцида особенно важна для диаспоры потому, что именно из-за этого драматического события она и возникла. Для нее это как миф о начале — главная история. Вот и получается, что политически нерешенная проблема влияет на тот потенциальный канал, который мог бы стать выходом в «столичное» пространство для армянской туземной / провинциальной науки.

Сатеник Мкртчян

Но эти арменоведческие кафедры существуют на средства диаспоральных общин.

Левон Абрамян

Поэтому и получается порочный круг: туземность, воспроизводящаяся через каналы, которые могли бы обеспечить «столичность», порождает еще большую туземность. Приведу в качестве примера относительно недавнее требование, выдвинутое ненаучными диаспоральными кругами, — создать единый вузовский учебник по истории Армении для всех армян мира (откровенно туземное требование).

Что касается России, то она, по-видимому, остается в некотором роде имперской, раз в языке ее лучших специалистов используется откровенно имперская терминология и, главное, для характеристики самих же себя.

Гаяне Шагоян

Не стоит забывать, что это пишут петербуржцы, люди из «второго города», который соперничает с Москвой, и они так или иначе носители провинциального дискурса. И поэтому они претендуют на более высокий уровень по сравнению с Москвой, главный университет которой у них получается «туземным», а петербургский — всего лишь «провинциальным». Впрочем, это «соперничество» для меня тоже в пользу Петербурга, во всяком случае в нашей области. Для меня было неожиданным открытием, что те авторы, за текстами которых я «охочусь», практически все из Петербурга, пусть и «провинциального».

Левон Абрамян

«Провинциальность» петербургской самооценки видна и в названиях научных центров — сравните, например, «Европейский университет» — они тем самым как бы пытаются прорубить окно в Европу. А ЦНСИ имеет в названии «независимый», тоже, видимо, из противопоставления союзным и сегодняшним государственным институтам, таким, которые пошли по пути «туземности».

У нас же на все научное (и на все остальное) налепили определение «национальный», хоть и в смысле «государственный», но часто понимаемое как «этнический». Тем самым у нас государственное и туземное получают националистическими уже по названию. Мы обречены на туземность названиями наших институций, как Петербург обречен на провинциальность своими названиями.

У авторов есть очень удачное сравнение с двумя типами аэродромов: провинциалы все время призывают, чтобы самолеты садились на их прекрасные аэродромы, но самолеты пролетают мимо. Туземцы (в культах карго) тоже считают, что есть такие самолеты, которые сядут на их аэродромах, и воображаемые самолеты там «действительно» садятся. У нас же садятся реальные самолеты из диаспоры, подпитывая туземный культ карго.

4

Гаяне Шагоян

Этого вопроса мы частично коснулись, когда начинали дискуссию, поскольку, пытаясь понять предложенные М. Соколовым и К. Титаевым характеристики науки, невольно начинаешь их сравнивать.

Провинциальная наука в их трактовке становится более привлекательной в том смысле, что по сравнению с туземной она менее изолирована. В то же время установка на «провинциаль-

ность» делает ее менее творческой, направляя усилия больше на ретрансляцию «столичной науки», чем на производство новых идей. Поэтому туземная в этом смысле может обладать не только формальным сходством со «столичной», но и фактически имеет больше творческого потенциала для производства неординарных идей.

Но здесь возникают две тупиковые задачи: а) как оценить эвристичность, если ты не в курсе того, что происходит в мире, и нет уверенности, что идея новая и / или ценная, что в мировой науке уже нет опровержения положения, которое ты предлагаешь; б) как сделать достояние туземного изобретения собственно научным, обеспечив его коммуникационность. Иначе говоря, как верно отмечают авторы, тексты могут быть ценными, но не будут котироваться как научные, раз их нет в научном обращении.

Как решается эта проблема в области антропологической науки в Армении? Ее бы я определила как гипертуземную с учетом того, что она замкнута не только на уровне национальных институций и их слабой вовлеченности в международную науку, хотя бы на уровне регулярных публикаций в международных журналах или их регулярного прослеживания, но и на уровне малых групп, когда возникают параллельные миры с непересекающимися научными текстами и группами (кафедры, отделы, НПО, центры, инициативные группы). Этому способствует отсутствие единых адекватных печатных изданий. Для представителей социальных наук, а не гуманитарных (для них хотя бы формально есть «Историко-филологический журнал», другие арменоведческие издания), нет ни одного более или менее устоявшегося местного журнала. Конференции обычно ограничены пределами своих групп и если проходят в относительно расширенном составе, то этнографы, сохранившие у нас советское название своей профессии, находятся в состоянии дисциплинарной шизофрении (получают ученые степени по историческим наукам, т.е. они гуманитарии, а работают больше в области социальных наук). На уровне локальной научной коммуникации и идентификации они являются гуманитариями, и здесь востребованы как в первую очередь арменоведы, но вне страны публикуются и выступают на кафедрах скорее социальных, чем гуманитарных наук. Они склоняются либо к философским рассуждениям со слабым полевым материалом (ср. провинциализм), либо к чистой этнографии со ссылками на своих, туземных, авторитетов без намека на теоретическое обобщение (ср. туземность).

Если сопоставить минусы и минусы (а плюсов практически нет) одного и второго видов изоляции, то я бы предпочла состояние провинциальной науки. Она хочет решить проблему

своей изолированности, но при этом, имея «туземную» установку на создание альтернативных текстов, создающих (а не только догоняющих или заикленных на проблемах репрезентативности национальных наук в международных институциях) *свою* науку, но не науку только для себя и своих. Пусть она уступает по качеству «столичной», но не лишает себя возможности найти неординарный путь, который сможет отличаться и конкурировать со «столичной» в силу своей оригинальности.

Сатеник Мкртчян

Думаю, можно внести свой вклад именно благодаря тому, что мы аборигены, носители той реальности, которая обычно изучается извне. Многие находки, которые «столичные» специалисты смогли бы сделать только в результате долгой полевой работы, мы знаем как нашу повседневную реальность, не говоря уже о том, что и полевую работу у себя нам легче организовать. Но чтобы осознать локальный материал, научно его отразить и «перевести» на язык «центров», нам необходимо освоить соответствующий инструментарий: методы, мейнстримные теории, язык, который был бы понятен в «столичных» центрах. Только таким образом наше местное производство может стать конкурентным на «столичном рынке».

Алина Погосян

Нет ли опасности, что в таком случае ученый может стать скорее информантом, чем исследователем?

Сатеник Мкртчян

Всегда такой риск есть. Более того, очень часто именно в таком качестве колониальная антропология использует местных антропологов. Но этому нужно сопротивляться. Проблема в том, что на персональном уровне могут встречаться разные варианты: и локальные ученые «центрального» толка, и локальные ученые-информанты. На индивидуальном уровне отдельный научный деятель может креативно воспользоваться возможностями и не становиться ученым-информантом, а создавать продукты для «центра». Но гораздо хуже, когда государство само институционально закрепляет свою провинциальную позицию (как в случае с условием обязательной публикации в журналах с индексом цитирования).

Юлия Антонян

На мой взгляд, «туземность» не подразумевает «ущербности», ущербной ту или иную научную систему могут сделать такие фак-

торы, как политическое либо идеологическое давление, сознательный бойкот тех или иных достижений научного прогресса, а вовсе не институциональная самодостаточность и независимость. Неохотное восприятие научных текстов, написанных вне своей микросистемы, свойственное западным научным центрам, тоже есть признак их туземности. Просто на данный момент «их» туземность находится далеко впереди по сравнению с российской и тем более армянской туземностью. Так же и провинциальность не несет в себе «второсортности», если ее цель не вторичное воспроизводство уже имеющихся научных текстов, а, например, стремление прорваться к недоступным ресурсам.

Левон Абрамян

Туземный должен стать провинциальным, чтобы дойти до «столицы». Провинциальный — это промежуточная стадия от туземности к преодолению изолированности.

Гаяне Шагоян

Левон подал хорошую идею. Наша советская наука двигалась в прямо противоположном направлении. Мы, как периферия советской науки, создавались как провинциальная, а потеряв центр, превратились в туземную.

Но мы не говорим о другой возможности провинциалов. Ведь именно из них набирается «столичная передовая» мысль. И если кто-то из провинции нацелен на какой-то центр, у него / ее есть возможность сделать карьеру, часто не очень плохую. Научные центры часто формируются за счет провинциальных самородков (типа М. Ломоносова), которые должны хотя бы признать, что это центр, стремиться туда и стать основой для формирования своего туземного варианта науки на основе провинциальной базы.

5

Лусинэ Гушян

Глобализация науки имеет свои минусы в виде единого центра, диктующего направления исследования и его реализации. Между тем в период модерна активно функционировали исторически сложившиеся полилокальные и разные по своим идеологическим, методологическим и другим характеристикам научные школы арменоведения и многообразие подходов и исследовательских традиций имело большое значение в вопросе научной конкуренции.

Юлия Антонян

Провинциальность как тяготение к более передовым методологиям и парадигмам научного мышления является для нас,

академического сообщества Армении, переходным состоянием, благодаря которому мы сможем выйти к более стабильному производству научного продукта, ценного по качеству и содержанию. В конце концов, любая научная система есть продукт своего места и времени, и определить, что есть «правильная», «настоящая» наука, а что есть ее симулякр, не часто представляется возможным даже в «центре». Наука — это часть социальной системы, интегрированной в нее и обслуживающей ее, но туземность и провинциальность — это всего лишь формы ее «биологического» существования. Науку делают люди, а точнее личности. Ни туземность, ни провинциальность сами по себе не исключают таких категорий, как творческий талант, желание учиться и познавать, умение мыслить и находить новые формы и средства выражения, выдвигать оригинальные идеи, ставить вопросы и искать на них аргументированные ответы. Личности, ориентированные на это, никогда не будут ни туземными, ни провинциальными, они всегда будут центральными, вне зависимости от того, частью какого академического пространства являются.

Смбат Акопян

На мой взгляд, шагом к преодолению проблем «туземности» или «провинциализма» может стать создание негосударственных институтов, которые будут конкурировать с государственными как в финансовом, так и идеологическом плане, создавая такое дискурсивное поле, в котором научная мысль найдет благодатную почву для развития, без оглядки на институциональные ограничения. Именно отсутствие такого поля часто превращает нашу науку в «науку для себя». Развитие научного дискурса способно породить новые мысли, новые работы, новые возможности, но, к сожалению, в нашей академической культуре есть проблема научной коммуникации, часто к научной критике относятся эмоционально и воспринимают как оскорбление. Я вижу «третий путь» в изменении отношения к научной полемике и готовности слушать и слышать отличные от собственной оценки мнения. Иначе говоря, в готовности преодолеть внутреннюю, персональную «туземность».

Сатеник Мкртчян

Я вижу некоторую опасность в попытке отмежеваться и сбросить как балласт специалистов, которые, по определению М. Соколова и К. Титаева, являются «туземными» и мыслят категориями «для себя» или в рамках науки, которой сегодня нет на «столичных» площадках, что может произойти, например, при жестком применении «импакт-факторной» оценки науч-

ности деятельности. При таком подходе люди, которые, предположим, всю жизнь исследовали национальный костюм и знают этот материал лучше, чем кто-либо в мире, или занимались специфической локальной научной проблематикой, могут оказаться вне институциональной науки. При этом они, конечно, могут находить какие-то источники финансирования, выпускать роскошные альбомные издания, в том числе и на английском языке, но все равно оставаться за рамками научных дискуссий, так как ни институционально, ни методологически они не будут вписаны в местную (национальную) и международную науку. Думаю, это потеря и для «столичных» наук, которые в целом лишаются знаний квалифицированных экспертов по вопросам, которые могли бы быть сегодня интересны, хотя, возможно, в другом аспекте. И провинциальный путь развития науки опасен тем, что в погоне за модными парадигмами знания, имеющие ценность для изучения локальных проблем и особенностей, не будут востребованы и маргинализируются в лучшем случае, а в худшем — просто исчезнут. Поэтому третий путь для меня — это путь сотрудничества между разными школами, отдельными учеными, и пока нет институциональных решений этой проблемы, можно и попытаться идти по этой дороге уже сегодня. Главное — не распространять на коллег «снобистский» «столичный» взгляд, а пытаться работать в группах, совмещая знание материала и новейшие подходы.

Юлия Антонян

В какой-то мере я согласна с Сатеник, экспертными знаниями не стоит разбрасываться. Но подобные специалисты не хотят мириться с тем, что отныне должны играть роль лишь экспертов по очень узкому и не теоретическому спектру вопросов (фактически «информантов»). Они по-прежнему хотят занимать ведущие позиции в академическом истеблишменте, руководить темами, отделами, кафедрами, состоять в научных советах, иметь аспирантов, получать от государства гранты на научные исследования, не имеющие на выходе результатов, соответствующих современному уровню науки, тогда как эти средства мог бы получить другой, более профессиональный с точки зрения современной науки ученый.

Гаяне Шагоян

Вариантом новых институциональных решений, мне, как и Смбату, кажется, могут стать альтернативные очаги науки, необязательно виртуальные, но слабо институционализированные, как, например, семинары, встречи ученых в разных форматах, но обязательно с некоторой регулярностью, по-

сколько только в этом случае создается устойчивая площадка. Более стабильным вариантом институции, альтернативной «туземной» науке, можно считать негосударственные учреждения, как тот же Европейский университет в СПб или ЦНСИ, во многом противопоставляющие себя традиционной Академии наук. Более того, если я правильно помню, в какой-то период они сознательно обходили ВАК, чтобы не стать площадкой для карьеристов. Эти учреждения существуют на средства из разных источников, и именно эта ненацеленность на один источник или центр выводит их за рамки туземного и делает центральными и столичными.

Попытки прорыва «туземности» у нас появились относительно недавно и чаще оформляются как семинары, альтернативные мейнстримной институциональной науке, где обсуждаются новые методологические подходы, школы, создаются региональные и междисциплинарные сети. И здесь в нашу пользу играют наши «малые масштабы», поскольку в пропорциональном отношении эти площадки имеют потенциал серьезного воздействия на общее поле локальной науки и даже ее институциональной части.

Другая наша особенность, наличие «ученой диаспоры», тоже может стать работающим механизмом, если уже давно витающую в воздухе идею создания транснационального журнала удастся осуществить.

Кстати, хорошим примером вовлеченности диаспор в развитие институциональной армянской науки могло бы стать открытие американского университета (1991) после землетрясения 1988 г. — первого в регионе. Не могу судить, в какой степени университет влияет на повышение уровня местной науки, но есть опасение, что он способствует квалифицированной эмиграции. Одно из детищ университета (собственно то, ради чего он создавался) — отделение, где готовились специалисты по сейсмостойкому строительству, закрылось за отсутствием желающих поступать. А из многочисленных отделений, ставящих целью обучение по американским университетским стандартам, в плане гуманитарных дисциплин, вокруг которых прежде всего идет наше обсуждение, преподается только политология. При стремлении интегрироваться в столичную науку надо учитывать и риск полного в ней растворения, возможности не столько интегрироваться, сколько ассимилироваться.

И все же думаю, что все не так беспросветно и у провинциалов или туземцев есть небольшой плюс, о котором как-то говорил Г. Дерлугьян. Во время одной из своих лекций он вспомнил замечание своего друга, поляка, ученого-эмигранта в США, сумев-

шего сделать там хорошую карьеру. Он говорил о том, что в метрополиях наука насыщена и там очень высокая конкуренция. Главный принцип пути, по которому идет международная наука, — это принцип провинциальности, ученые как бы выстраиваются в очередь, смотря друг другу в затылок, и идут по проторенной дороге. И там, куда они придут, всегда уже кто-то будет. Ситуация напоминает дорожную пробку. Ты не можешь никого обойти изпереди едущих, сзади тоже подпирают, и невозможно развернуться, и потому хуже тем, кто в середине. Лучше, конечно, едущим впереди, просвет им виден, надо только дожидаться. Но больше всего возможностей для маневра у тех, кто плетется в самом конце. Они могут развернуться и найти другой путь.

Левон Абрамян

И таким образом авантюрно обогнать остальных?

Гаяне Шагоян

Обогнать, обойти, дойти авантюрно, трикстерно, как угодно, но, главное, тем самым определяется новый путь. Если приходится быть туземным или провинциальным, то удобнее быть очень туземным или очень провинциальным, но всегда в дороге, движении. В таком случае у тебя будет возможность развить свой «третий путь», который не будет заведомо определен очередью сзади, и не скатиться в фашистско-локальный бред, а стать «творчески туземным».

В завершение этой дискуссии я бы хотела напомнить замечательную теорию И. Валлерстайна, что совершенно не исключено, что какая-нибудь периферия в силу каких-то обстоятельств неожиданно может превратиться в некий центр, но только эти условия, как правило, непредсказуемы.

Библиография

- Научное знание в условиях Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 9–130.
- Armstrong J.S.* Management Science: What Does it Have to Do with Management or Science? // *Marketing Bulletin*. 1998. Vol. 9. No. 1. P. 1–15.
- Soviet Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia / Ed. by F. Mühlfried, S. Sokolovskiy. Berlin et al.: LIT, 2011.